

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, НЕЗНАКОМОЕ”

I

Весной 2009 года со мной в родной Калуге случилось одно странное приключение.

Сначала я встретился с давним своим товарищем Сергеем Капрановым.
– Привет! – Привет!

И началось: “Как живёшь? Что пишешь? Как здоровье?” Но ведь у нас, у русских, словами не обойдёшься. “Ну где выпьем? Давай как в молодости – в парке на лавочке!” Но Серёжа счёл это предложение легкомысленным.

– Нет. Давай “Путинку” возьмём, а выпьем вон в том баре, у меня там бармен знакомый, он нам разрешит со своей бутылкой.

Бармен, однако, соблюдая интересы своего заведения и разрешив нам распить “Путинку”, всё-таки поставил условие: “Хоть по сто грамм возьмите в баре. Ну, и закусить, конечно”...

Короче говоря, к нашей “Путинке” прибавилось ещё по 100 казённых, но мы от души поговорили в пустом баре, в уютном углу за столом и расстались довольные неожиданной встречей, во время которой вспоминали молодость, старых товарищей и читали стихи, как в лучшие времена – Есенина, Блока, Николая Рубцова и даже нашего земляка по Полотняному заводу Александра Сергеевича Пушкина.

...Домой я возвращался по тропинке вдоль заросшего тополями, вязами и черёмухой Березуевского оврага и почти уже вышел к Каменному мосту, как нечто необычное заставило меня замедлить шаг, а потом и остановиться...

Возле высокой стелы, увенчанной бюстом Пушкина, сидела шумная молодёжная компания. Памятник поэту был поставлен в легендарном 1937 году во время столетнего юбилея со дня его гибели. Памятник был невесть какой: стела цементная, а сам бюст похоже что гипсовый, серенький... Однако за 70 с лишним лет он врос в городской пейзаж и стал его достопримечательностью.

На лавочке возле стелы сидели три парня и три девушки. Шумные, нетрезвые, расхристанные. Бутылки и банки из-под пива, пустые сигаретные пачки и окурки – отходы их пиршества, лежали на убогой цветочной клумбе возле стеллы, образовав небольшую помойку...

Я не смог пройти мимо них – мне было дорого это заветное место: всю жизнь, начиная с довоенного времени, с 1937 года, со своего пятилетнего возраста я проходил мимо этого моего Пушкина, каждый раз задирая голову, и вглядывался в выпуклые каменные глаза поэта, в его застывшие кудри и бакенбарды на гипсовых щеках. А тут мат-перемат и помойка...

– Ребята! А вы знаете, чей это памятник рядом с вами?

Самый относительно трезвый парень не сразу, но всё-таки понял мой вопрос.

– Ну и чей?

– Это же Пушкин Александр Сергеевич! Может быть, кто из вас помнит: “Мороз и солнце, день чудесный!”, “Я помню чудное мгновенье”.

Мои собеседники, раздосадованные вмешательством в их жизнь, недружелюбно оглядели меня. Я оторвал их от очень важного дела: они выворачивали карманы, собирая последнюю мелочь на пару банок пива.

Однако самый трезвый из них встал со скамейки, повернулся лицом к Пушкину, взгляделся в него и произнёс:

– Дедок! А ведь твой Пушкин панк! У него ирокез!

До меня дошло, что парень обратил внимание на волнистую каменную грядку волос, застывшую на голове поэта.

– Ну и что? Он ведь был в жизни курчавым, в жилах его текла одна шестнадцатая часть африканской крови... – ответил я.

– А! – радостно завопил мой собеседник. – Твой Пушкин не только панк, но ещё и нигер! – И демонстративно бросил окурок к подножию стелы.

Ну что было с ними делать? Не драться же в мои 76 лет! И уходить, оставив Пушкина на поругание, позорно. Надо было найти какой-то общий язык с этим отвязанным поколением. И тут меня осенила одна мысль.

– Вы знаете, ребята, что такое армрестлинг? – сказал я, выбросив вперёд руку и сгибая её, словно бы укладывая на стол воображаемого противника. Мои собеседники оживились: они знали, что такое армрестлинг..

– Предлагаю вам соревнование. Кто из вас самый сильный? Наверное, ты? – обратился я к парню, который обозвал Пушкина панком и который, видимо, был у них авторитетом.

– Выясним, у кого рука сильнее. Если ты меня положишь, я покупаю тебе пиво. Если я тебя – ты извинишься перед Пушкиным!

Мой молодой соперник, не долго думая, сбросил с себя куртку, стянул майку, на которой был изображён какой-то его лохматый кумир, словом, заголил до пояса, попытался поиграть мускулами, но я видел, что бицепсов то почти нету, грудь тощая, наколки фальшивые – татуаж. У нас после войны наколки были натуральные, выколотые набором игл спиртовой тушью, что называется, на всю жизнь, с вечными истинами вроде “не забуду мать родную” или “они устали”, если на ногах, – а у этих, тьфу! – выродилось и это искусство, потеряло свою простонародную сущность... Но всё равно, я же старше его лет на шестьдесят, справлюсь ли? Опустились мы каждый на колени по разным сторонам лавочки, упёрлись в неё локтями, ладонь в ладонь. А я лихорадочно думаю: ну, старый дурак, придётся тебе покупать пиво! Оглянулся я на Пушкина, взмолился: выручай, Александр Сергеевич, – и резко сработал кистью влево. Главное в армрестлинге – кисть заломить противнику, остальное – легче...

Не без труда, но то ли с Божьей, то ли с Пушкинской помощью через минуту-другую я прижал-таки руку молодого охальника к лавочке. И говорю: “Извиняйся перед Пушкиным!” Но тут двое его друзей, сообразив, что халявное пиво ускользает от них, завопили: “Дедок! Давай и с нами армрестлинг!”

Однако оба они были то ли совсем пьяные, то ли слабее первого, но с ними я разобрался побыстрее и подытожил: “Ребята, надо слово держать, к Пушкину подойти и извиниться”.

Взял я их за руки мирно так, ласково, шагнули мы к стеле, двое последних проигравших просто голову склонили, а главный, то ли совесть у него загаворила, то ли ноги подкосились – на колени опустился перед Пушкиным, а встать не может, пришлось ему помочь, подхватить под руки и приподнять...

Возвращаю их на лавочку, и жалко мне их несчастных, ну, думаю, чего торжествовать, подслащу их неудачу – деньгами, и говорю: – Вот, ребята, в честь моей победы вам на пиво! – А вместе с деньгами вытащил и паспорт. И тут меня словно какой-то чёртик дёрнул за язык: я обратился к девушкам, которые сидели на лавочке:

– Девочки, вот мой паспорт, прочитайте, с какого я года рожденья!

Одна из них взяла корочки и читает:

– Родился 27 ноября 1932 года! – Тут у их кавалеров челюсти отвисли: до них дошло, что они проиграли армрестлинг 76-летнему старику...

А девушки захлопали в ладоши и стали осыпать меня взглядами, которых я давно на себе не ощущал. Оскорблённый этими знаками внимания со стороны своих девушек, главный запричитал: “Ты, дед, выиграл у нас нечестно, воспользовался, что мы все пьяные! А Пушкин твой всё равно панк и нигер!”

Я уже удалялся от хмельной компании по дороге к дому, но тут же парировал этот выпад: “Да если бы я был трезвым — разве я бы к вам подошёл? — и неосмотрительно добавил, обращаясь к девушкам, благосклонно глядевшим мне вслед: — А вы, девчата, бросайте их, вы же сами видели — никуда они не годятся, ни в деле ни в постели...” — Последние слова были лишними, потому что троица бросилась было за мной, и мне пришлось вспомнить, что помимо армрестлинга я когда-то в молодости занимался лёгкой атлетикой, то есть неплохо бежал...

Мои преследователи, попытавшись перейти на бег, поняли, что у них из этого ничего не получается, вспомнили, что у них благодаря странному старику есть сто рублей, и тут же свернули к ларьку за вожделенным и на халяву доставшимся пивом...

А я повернул с аллеи к Каменному мосту и, оглянувшись, увидел трёх девушек, махавших мне на прощанье своими узкими ладошками.

... Бедное, обворованное, лишённое будущего поколение, мои несчастные молодые земляки, изуродованные подлым рыночным временем!.. С четырёхметровой колонны на них смотрел выпуклыми глазами “панк и нигер”, великий русский поэт Александр Пушкин. Смотрел и шептал вывороченными каменными губами знаменитые уже почти два века обращённые к русским людям слова: “Здравствуй, племя, младое, незнакомое!”

II

Вскоре после калужского приключения, в преддверии Дня Победы я поехал на военное кладбище в подмосковный посёлок Щербинка. Дело в том, что там похоронен брат моей матушки Никита Железняков, калужанин, уроженец деревни Лихун, профессиональный военный лётчик, сталинский сокол, награждённый уже за финскую войну орденом Боевого Красного Знамени... Штурман авиации дальнего действия, которой командовал маршал Голованов, дядя Серёжа в самое трудное для страны время — в октябре 1941 года получил второй орден Боевого Красного Знамени за то, что, когда немцы стояли в 30 километрах от Москвы, водил свою эскадрилью бомбить Берлин. Это был приказ самого Сталина. Чудом возвращался. Третий орден, Отечественной войны I степени, он получил в начале 1943 года. А через месяц погиб вместе со всем экипажем, с пилотом Иосифом Рябоконом, родом из Приморского края, и со стрелком-радистом, имя которого неизвестно.

Первый раз я побывал на его могиле в 1947 году, свозил туда его мать и мою бабушку Дарью Захаровну. И фотография того времени у меня хранится: обширный пригорок, редкие кусты, несколько могил, одна из которых окружена железной оградой — и вместо надгробья стоит в ограде и тянется в небо громадными чёрными лепестками пропеллер бомбардировщика, на котором разбился дядя Серёжа со своими товарищами. Всё, как в изумительном стихотворении Николая Заболоцкого:

*Здесь лётчик у края аллеи
покоится в ворохе лент,
и мёртвый пропеллер, белея,
венчает его монумент.*

Несколько лет я не был на бывшем воинском кладбище, которое стало уже и гражданским, всеобщим, оно расползлось во все стороны по склонам, заросло деревьями, дорожки заплелись травами и кустарником... Где-то вроде бы здесь должен быть тот самый пропеллер, где-то здесь, а деревья выросли такие, что найти не могу.

Впрочем, вот стоит... Да не похож, тот был с длинными двухметровыми лопастями. Этот какой-то короткий, маленький. И металлической дощечки с фамилиями нет на нём. И бетонный пьедестал совсем другой... Мы с шофёром Мишей побродили по кладбищу, но никакой другой могилы с пропеллером не нашли...

— Айда в контору, — сказал я Мише. — Разберёмся, расспросим, где наш пропеллер...

В конторе нас встретил сторож, который, только мы произнесли слово “пропеллер” — всё сразу понял.

– Да в прошлом году на кладбище пьянь какая-то поселилась. Мы посменно работаем, да за всеми участками не углядишь, кладбище-то неогороженное. Словом, раздолбали мародёры постамент, пропеллер вытащили. И, видно, сдали в металлолом. . . Мы обнаружили только груды раскуроченного бетона. . .

– А откуда взялся новый пропеллер? – Так оказалось, что за этой могилой много лет ухаживали старшеклассники из Олсуфьевской средней школы. Каждый год в День Победы они подправляли её, цветы высаживали, от мусора чистили. И когда увидели её разорённую, да без пропеллера, то поехали на газпромовский аэродром – он же бывший военный, где лётчики во время войны в казармах жили. А там на запасных стоянках стоят старенькие небольшие самолёты – “Аннушки”, “Яки” . . .

Ну, ребята уговорили начальство, чтобы им отдали пропеллер с одной из списанных машин, сколотили новую опалубку, залили пропеллер раствором – и вот он стоит! Сторож махнул рукой.

– Народ совсем оборзел, слава Богу, что школьники ещё остались. . .

Тут я вспомнил, что моя матушка, родная сестра дяди Серёжи – в начале 70-х годов прошлого века выйдя на пенсию, стала навещать могилу брата, забрела как-то в Олсуфьевскую школу, рассказала ребятам о братской могиле трёх лётчиков, провела их к надгробию с пропеллером. . . С той поры ребята много лет подряд шефствовали над могилой и матушке посылали письма. Низкий поклон им от меня, племянника Сергея Железнякова, чьё имя занесено в Книгу славы Калужской области. . . А теперь мне только осталось изготовить полоску из нержавеющей стали с именами экипажа да заехать в школу и поблагодарить школьников вместе с их наставниками.

. . . Я погладил лопасть пропеллера, горячую от весеннего солнца, перекрестился, вытащил из кармана фляжку, налил водки в пластмассовый стакан и выпил за Сергея Никитича и его боевых товарищей.

А когда на другой день приехал в редакцию, то на столе меня ожидало письмо со стихотвореньем Марии Знобищевой, которая начала печататься в журнале несколько лет тому назад, ещё будучи тамбовской школьницей. . . Стихотворенье было о памятнике советскому солдату, стоящем на горе в Болгарии возле Пловдива.

*Стоит над горою Алёша —
Болгарии русский солдат.*

*Всё поёт. Мне добавить нечего
В этот хор.
Так секунда вступает с вечностью
В разговор.*

*Надоело быть вовсе лишнею,
Быть одной.
Вон стоит — выше света вышнего —
Брат родной.*

*Потянулась к нему руками я —
Не достать!
Для чего обернулась каменной
Эта стать?*

*Я тебя бы, Алёша, веришь ли,
Век ждала
И за всех бы девчат теперешних
Обняла!*

*Луч дрожит на щеке морщинистой,
Грань дробя.
Между нынешними мужчинами
Нет тебя.*

И когда мои воспоминания о “дуэли” возле памятника Пушкина и о могиле с пропеллером, о Марии Знобищевой затянулись в один узел, я вспомнил ещё и строчку из стихотворенья моего покойного друга Анатолия Передреева:

Ещё не всё потеряно, мой друг. . .